

Ю. А. Кривошапова

Номинативные особенности ЛСГ «Насекомые» (на материале русских народных говоров)

При анализе массива русских диалектных наименований насекомых (энтомосемизмов) обращают на себя внимание лексические единицы, реализующие в большей степени не объективно-«бытийный», а оценочный или прагматический признак реалии. В семантике подобных единиц отражается не столько сама реалья, сколько мнение говорящего о ней, возникшее в результате определенной (отрицательной или положительной) реакции говорящего на объект. Подобного рода номинативные единицы призваны выразить сформированную оценку предмета речи и отсылают исследователя к разному рода интенциям говорящего.

Прагматическая характеристика объекта формально и семантически проявляется посредством некоторых номинативных особенностей (назовем их *реакциями*), присущих лексико-семантической группе «Насекомые»: носитель языка, сталкиваясь с действительностью, именуется ту или иную реалью, стараясь при этом каким-либо образом охарактеризовать объект номинации. Новое название может отражать объективные свойства предмета (цвет, звук, размер и пр.): в этом случае возможная оценка реалии, идущая от субъекта, практически нивелируется. Созданную лексическую единицу можно считать, в сущности, языковым «слепок» реалии. С другой стороны, субъект может активно заявить о себе, применив по отношению к объекту номинации индивидуальную оценочную систему. В этом случае сама реалья как бы отодвигается на второй план, уступая место «приписаным» ей субъективным характеристикам. Лексические единицы, полученные таким путем, в большей степени устремлены к субъекту номинации, нежели нацелены на характеристику объекта (т. е. объективные свойства денотата). В сознании номинатора возникает определенный прагматико-смысловой «импульс», вслед за которым последует, непосредственно (или опосредованно), но обязательно связанная с ним номинативная «реакция».

В данной статье предпринята попытка выявить прагматико-смысловые «импульсы» и описать способы вербализации определенных представлений о мире, которые и будут следствием прагматических установок гово-

рящего. Подобные прагматические установки в большей степени восстановимы для абстрактной лексики. Это связано с тем, что, именуя ментальную сущность, носитель языка должен самостоятельно, без опоры на реальные характеристики объекта (за отсутствием таковых) сконструировать денотат. При этом, очевидно, что приписываемые объекту номинации свойства будут формулироваться интроспективно, исходя из индивидуальных пристрастий носителя языка.

В случае с конкретной лексикой дело обстоит принципиально иначе. В процессе именования конкретного фрагмента действительности носитель языка опирается прежде всего на реальные свойства объекта. И тем не менее, для лексико-семантической группы «Насекомые» можно выделить некоторые номинативные особенности (или реакции), отражающие прагматико-смысловые интенции номинатора. Материалом для нас будут служить лексические и фразеологические единицы, извлеченные из диалектных словарей.

Для лексико-семантической группы «Насекомые» представляется возможным выделить следующие прагматико-смысловые импульсы.

Импульс 1: общая резко негативная оценка человеком насекомых.

Номинативные реакции:

1.1. Использование при именовании насекомых лексем, содержащих сему 'нечто неприятное, грязное': *гад* собир. 'слепни, оводы и мухи' Свердл., Том. [СРНГ, 6, 90]; *гнус* 'насекомые, причиняющие вред человеку и его хозяйству, жалящие насекомые (мошкара, комары, оводы и пр.)' Том., Тобол.; 'овод' Арх.; 'комары' Арх.; 'насекомые, истребляющие посевы' Вят., Краснояр.; 'саранча' Енис.; 'насекомые-паразиты, обитающие в жилище человека (блохи, клопы, тараканы, пауки и под.)' Перм., Вят.; 'черви и гусеницы' Арх., Север., Вост., Сиб.; 'ожившие с весеннею теплотою мухи, жуки, черви, козявки и пр.' Перм. [СРНГ, 6, 248–249]; *гнуса* 'мелкие жалящие насекомые (комары, мошки, оводы, мухи)' Олон. [Там же, 249]; *гаведа* 'неприятные, вызывающие отвращение насекомые' Вят., Новг. [Там же, 83].

Отметим, что насекомые в данном случае выступают в качестве своего рода эталона «гнусности». Негативные собирательные именованья насекомых типа *гад* и *гнус* активно используются при создании отэнтомосемических экспрессивов, отрицательно характеризующих человека.

1.2. Возникновение семантических дериватов на базе переноса *насекомое* > *негативная характеристика человека*.

1.2.1. Собственно-семантические дериваты: *гнус* бранно 'низкий, гнусный человек' Перм., Енис. [СРНГ, 6, 249] – семантический перенос на базе признака 'нечистый, поганный', переосмысленного как 'нечистый на руку,

непорядочный'; *гну́с* 'о человеке, говорящем в нос' Вят., Перм. [СРНГ, 6, 249] – гнусавость (в сущности, артикуляционно-акустическая характеристика) связывается со способностью насекомых издавать звуки (гудеть) и оценивается как отрицательное свойство субъекта (см. контекст: «Ну, опять загнусел, гнус поганый!»); *вошь*, *клоп* разг. презрит. 'о маленьком человеке' – в экспрессивных номинациях отмечается предельно, ничтожно маленький размер насекомых; *жу́к* 'о пронырливом, хитром человеке, плуте' [ССРЛЯ, 4, 188]; 'о льстеце' Смол. [СРНГ, 9, 223] – очевидно, признаком, на базе которого осуществляется метафорический перенос, является способность жука за счет маленького размера проникать в труднодоступные места, «лезть под кожу», что переосмысливается как способность хитрить, добиваться своих целей обманным путем (ср. производное *жуковатый* 'пронырливый, жуликоватый' [ЯОС, 4, 50]); *муха* разг. 'о назойливом человеке'; *моль*, *моль белая* разг. 'о незаметном, малоинтересном человеке' – отправной точкой для семантической деривации служит неприметность моли, возникающая за счет белого цвета насекомого и особого образа жизни, который характеризуется малоподвижностью и локализацией в замкнутых пространствах; эти свойства моли в применении к человеку, оцениваются как отрицательные.

1.2.2. Семантико-словообразовательные дериваты.

А. Производные от *вошь*.

Наличие вшей у человека, объективно ведущее к телесной нечистоплотности (ср.: *вишивик* 'грязный, неопрятный человек' Костром. [СРНГ, 5, 242]), приравнивается к нечистоплотности моральной, т. е. непорядочности человека, отсюда разг. *про́верка на ви́вость* 'проверка на честность, порядочность'. *Вишивый* также употребляется в значении 'ничтожный', ср. разг. *вишивый интеллигент* [БСР, 242]. *Вошь* и производные часто встречаются в составе так называемых «чистых» экспрессивов, ср. *гад вишивый* бран. 'о человеке' [СПП, 24], *ядрена вошь*, *вишивый граф* бранно 'неряха, непричесанный человек' Енис. [СРНГ, 5, 243]; *вишивик* 'бранное слово (чаще по отношению к детям)' Моск., Твер. [СРНГ, 5, 242]. Экспрессивный эффект заметно усиливается благодаря смысловому оксюмору, явно выраженному, в частности, в словосочетании *вишивый граф*. Что же касается других отэнтомосемических экспрессивов, то, очевидно, они постепенно утратили первичную семантическую связь с насекомым: говоря *этот вишивый город*, *вишивая работа* или *вишивое государство*, мы подразумеваем крайнюю степень ничтожности характеризуемого объекта, никак не предполагая его связи с конкретным насекомым.

Долговременность процесса выискивания вшей активизирует в производных от *вошь* семы 'медлить', 'медленный', ср.: *вошкать* 'делать что-либо медленно, вяло, мешкать' Волог., Перм., Тюмен. [СРНГ, 5, 167]; *вошкаться* 'то же' Волог.; 'возиться с кем-, чем-либо; хлопотать' Вят., Алт., Иркут., Забайк.; 'не торопясь, потихоньку перебирать вещи, действовать медленно и настойчиво' Волог., Костром., Нижегород., Перм.; 'проводить время в бесполезных, бесцельных занятиях' Костром.; 'плохо работать' Краснояр.; *вошод-кать* 'медлить, тормозить дело' Смол.; *вошкотня* 'возня' Волог., Вят. [СРНГ, 5, 167, 168]; *как вошь по гáснику* 'очень медленно' [СПГ, 1, 123] (*гáсник* 'завязка в поясе у женских юбок или мужских кальсон' Тобол. [СРНГ, 6, 151]).

Очевидно, связаны семантическими отношениями с предыдущими *вош-кать* 'успокаивать, убаюкивать ребенка' Волог.; 'шевелиться, ворочаться' Вят.; *вошкаться* 'то же' Волог., Вят., Енис.; 'барахтаться, бороться' Вят., Иркут.; 'возиться, заниматься с детьми, нянчить ребенка' Волог., Краснояр., Амур., Колым. Якут. [СРНГ, 5, 167] – поскольку здесь речь идет также о каком-либо длительном действии.

Б. Производное от *жук* – *жуковатый* 'пронырливый, жуликоватый (о человеке)' [ЯОС, 4, 50].

Приведенные отэнтомосемические наименования качественно или количественно в большей степени характеризуют определяемый процесс или явление, нежели собственно особенности восприятия самих насекомых. Тем не менее сам факт выбора названий насекомых в качестве номинативного средства, способствующего развитию значения, позволяет, на наш взгляд, говорить о прагматической отмеченности класса этих животных в целом. Кроме того, образной переработке подвергается какой-то конкретный признак реалии, что позволяет вычленить наиболее частотные номинативные модели, и, следовательно, увидеть, под каким углом зрения носитель языка смотрит на избранный фрагмент действительности. Интересно, что при этом статус самих насекомых заметно понижается: реальный, нейтральный признак объекта в применении к человеку превращается в отрицательную характеристику.

Импульс 2: стремление избежать контакта с насекомым – стремление избежать его прямого именования.

Номинативная реакция – использование эвфемистических наименований насекомых-паразитов, которые появляются прежде всего в детской речи:

амка 'блоха' («Смотри, кот-то амки заели») [СПГ, 1, 10]. Лексема может быть мотивирована глаголом *амкать* детское 'лаять (о собаке)' Пск.; 'кусать, глотать' Калуж. [СРНГ, 1, 252], ср. также *амки* в значении глагола (детское) 'кушать, есть' Смол. [Там же];

бака 'насекомое отряда *Odonata*, стрекоза' Яросл. [СРНГ, 2, 57]; *бонки* мн. 'вши' [СПГ, 1, 49]; *бука* 'мелкое насекомое, букашка' [НОС, 1, 98]; *букан* 'насекомое, букашка' Влад.; 'всякое большое насекомое' Яросл.; *буканчик* 'мелкое насекомое, букашка' Иван. [СРНГ, 3, 262, 263]; *букара* 'насекомое, букашка' Яросл.; *букарага* Костром., *букарака* Яросл., *букараха* Волог., *букарачка* Новг., *букарашечка* Иван. 'то же'; *букарашка* Иван., Костром., Онеж. Арх., *букаренок* Арх. 'жесткокрылое насекомое, жучок'; *букарица* 'насекомое, жучок, букашка' Иркут., Свердл.; 'личинка стрекозы' Иван.; *букарка* 'жесткокрылое насекомое, жучок' Арх.; 'личинка стрекозы' Иван. [СРНГ, 3, 263]; *букариша* 'насекомое, букашка' Свердл. [Там же, 263–264], *букарь* 'то же' Иван.; *букастая*, *букатка* Нижегород., *букаха* Смол. 'жесткокрылое насекомое, жучок, букашка' [Там же, 264].

А. Кравчик-Тырпа склонна считать появление подобных наименований насекомых-паразитов в детской речи в польских диалектах результатом табуизации, ср. *buba* 'ale czasem tylko do wszy' <но иногда только о вши>, *kuka, tuta* 'zwłascza o wszy' <особенно о вши>¹. И действительно, потребность эвфемистической замены очень органична в ситуации непосредственного контакта с насекомыми-паразитами, например вшами. Отметим все же, что подавляющее большинство «детских» наименований насекомых содержат губные и гласные звуки, т. е. звуки, артикуляционно наиболее удобные для ребенка на ранних этапах развития речи. Таким образом, подобные номинации можно считать всего лишь первыми попытками ребенка как-то определить познаваемую реалию, а отнюдь не осознанными табуизированными обозначениями.

Импульс 3: представление о насекомых как о совокупном нерасчленном множестве однотипных объектов.

Номинативные реакции:

3.1. Обозначение совокупного множества объектов.

3.1.1. Родовые собирательные имена: *гнусина* Амур., *гнусота* Север., Вост., Сиб., Том. 'мошкара, комары, оводы' [СРНГ, 6, 250–251]; *мошкар* Моск., *мошкарня* Пск., *мошкарье* Свердл., *мошкота* Сиб., Свердл., Волог., Костром. 'мошкара' [Там же, 18, 323].

3.1.2. *Nomina collectiva*, обозначающие совокупное множество одного вида: *блехота* Том., *блошня* Иван., *блошье* Арх., Моск. 'блохи' [СРНГ, 3, 27–28]; *вша* Ворон. 'вши' [Там же, 5, 166, 242]; *клоповье* Калуж. 'клопы' [Там же, 13, 305]; *комарня* Новг., Пск., *комашня* Курск., Южн. 'муравьи' [Там же, 18, 353]; *мухо-*

¹ См.: *Krawczyk-Tyrpa A. Tabu w dialektach polskich*. Bydgoszcz, 2001. S. 210.

та Том., Орл. и др., *мухотва* Киргиз., *мухотня* Том., *мушье* Иркут. ‘мухи’ [СРНГ, 19, 46]; *оводина* Иркут. ‘жалящие двукрылые насекомые, которые летом причиняют беспокойство скоту’ [Там же, 22, 300].

3.1.3. Наречия со значением ‘очень много (о скопище насекомых)’: *комарно* безл. сказ. ‘о множестве комаров’ Перм., Арх. [СРНГ, 14, 227]; *оводно* ‘много оводов’ Яросл., Костром., Волог., Арх. и др. [Там же, 22, 300]; *гимзя-гимзей* ‘очень много, кишмя кишит, выражает одновременно и сгруппирование и движение относительно насекомых’ Вят. [Там же, 6, 173]. Образование, родственное звукоподражательным **gomonъ*, **gomoniti*, **gomota* (< **gom-*) [ЭССЯ, 7, 193–195]. Однако первичный звуковой компонент, очевидно, за счет удвоения лексемы, постепенно «перевесила» семантика кишашего множества, ср. *гим гимзит* ‘кишмя кишит’ («Гим гимзит народу»; «Гим гимзит клопов»; «Гим-гимзит мух-то») Вят., Свердл., *гимза гимзит* ‘то же’ («Гимза гимзит клопов») Киров. [СРНГ, 6, 172]. Ср. также *гимзя* нареч. ‘много’ («Гимзя ребят в избе») Вят. [Там же, 173].

3.1.4. Обозначение большого количества скопившихся насекомых с помощью формы множественного числа: *толкунцы* ‘рой комаров’ [КСГРС]. Помимо идеи множества указывается на способность комаров «создавать толчею», т. е. дополнительно актуализируется идея хаотичного движения в воздухе; ср. также *гуцу толочь* ‘о комарах’ [НОС, 2, 72].

3.1.5. Фразеологические образования: *на камарах* ‘там, где много комаров’ Том. [СРНГ, 14, 226]; *гуцу толочь* ‘о большом количестве комаров’ [НОС, 2, 72]; *как комары (камаров)* ‘в большом количестве, неотвязно’ [СПГ, 1, 410].

Приведенный материал наглядно свидетельствует о том, что идея количества с оценочно-экспрессивной поправкой на степень меры ‘очень много’, ‘крайне много’ является базовой при восприятии класса насекомых в качестве некоего единства и реализуется посредством собирательных наименований, наречий и фразеологизмов. Формальными показателями экспрессивности здесь следует считать экспрессивные суффиксы со значением собирательности и редупликацию.

3.2. Внутрикатегориальные лексические сближения – наименования, общие для разных представителей класса насекомых: *бабочка* ‘насекомое божья коровка’ [АОС, 1, 83]; *комар* ‘муравей’ Орл., Ряз., Моск., Нижегород. и др., *комарашка* ‘муравьи’ Орл., Ряз., Моск. [СРНГ, 14, 225, 227], *комарище* ‘муравейник’ [СПГ, 1, 410], *комарох* ‘насекомое божья коровка’ Тамб., *комарь* ‘муравей’ Тул., Ряз., Моск. [СРНГ, 14, 227]; *муха* ‘овод, пчела’ Самар., Вят., *мухан* ‘водяной паук’ Влад. [СРНГ, 19, 35, 36], *мушары* ‘муравьи’ Новг. [Там же, 43]; *богова муконька (мушка)* ‘божья коровка’ [АОС, 2, 43].

Использование «чужих» номинативных оболочек для обозначения «соседей» по классу свидетельствует о наличии тенденции к неразличению насекомых внутри класса, что, в свою очередь, связано с их основными особенностями, а именно с их «мелкокалиберностью» и многочисленностью. Справедливо будет отметить, что некоторые насекомые сближаются на вполне «законных» основаниях, благодаря объективному внешнему сходству, например, пчела и муха (см. *муха* 'овод, пчела'). Подобное переименование (или, точнее, выбор того насекомого, на которое переносится название другого) может объясняться и действием собственно языкового фактора, как в случае с обозначением муравья, когда производное от **moryjь* (см., например, рус. диал. *моравли*) [ЭССЯ, 19, 245] подвергается аттракции к лексеме *комар*.

Импульс 4: квазииндивидуализация насекомых человеком.

Номинативная реакция – антропонимические наименования насекомых.

Имена собственные, являясь частью языкового кода традиционной народной культуры, занимают в нем особое место и «образуют самостоятельный ономастический код»². «Ономастикон культуры отличается от общезыкового уже составом именуемых объектов»³; личными именами могут называться не только люди и домашняя «живность», но и дикие представители фауны, в частности насекомые. Известно, что в сознании носителей диалектов подвижные объекты внешнего мира легко персонифицируются, и в этой персонификации, которая осуществляется путем присвоения имени, проявляется определенное отношение носителя языка к именуемой реалии.

Антропоморфизация объекта может быть связана со спецификой самой реалии, ее предрасположенностью к персонификации за счет обособляющих индивидуальных внешних признаков. Так, в наибольшей степени антропонимическая модель реализуется на базе славянских наименований жука семейства *Coccinella*, или божьей коровки. Названия божьей коровки в славянских языках привлекали внимание многих этнолингвистов, ср. работы В. Н. Топорова, О. А. Терновской, Д. Младеновой, А. В. Гуры и др. Учитывая аспект нашего исследования, остановимся только на названиях этого жучка по именам лиц. Это насекомое, будучи подвижным объектом внешнего мира и обладая отличительными, внядоположенными по сравнению

² Толстой Н. И., Толстая С. М. Имя в контексте народной культуры // Проблемы славянского языкознания: Три доклада к XII Международному съезду славистов. М., 1998. С. 88.

³ Там же.

с другими насекомыми внешними признаками, легко персонифицируется и антропоморфизуется посредством отыменных номинаций и органично вписывается в реконструируемые мифологемы.

По мнению В. Н. Топорова, названия божьей коровки от антропонима *Петр* (такие, как *петрушка* ‘насекомое божья коровка’ [НОС, 7, 134]), связывают это насекомое с младшим сыном Громовержца. Ср. также украинские названия *папарушка*, *папаруза*, соотносящие божью коровку с персонажем балканского обряда вызывания дождя – *пеперудой*, в названии которого скрыто имя Громовержца⁴. Иначе говоря, наименования божьей коровки и обращенные к ней традиционные вербальные формулы (ср.: «Петра, Петра, будет ли ведро? Если будет, то сиди, а не будет, то лети» и под.) воплощают, согласно этой концепции, энтомологическую версию основного мифа.

С точки зрения О. А. Терновской, некоторые антропонимические названия насекомых соотносятся с персонажами мифологического сюжета «свадьба Солнца» и с реалиями обрядности летнего солнцестояния, прежде всего с болгарским обрядом Иванова дня – *Еневой були*, – когда на роль невесты Солнца (*Еню* – Ивана) выбирается маленькая девочка, одетая в красное, как крылья божьей коровки, свадебное покрывало. По мнению исследовательницы, символом божьей коровки как невесты Солнца исходно мотивированы и многочисленные названия этого насекомого, образованные от женских имен собственных, восходящих к именам канонических «невест Христовых»: Екатерины, Елены, Аполлонии, Вероники, Магдалины, Петрунии и др. (**katarinъka*, **katica*, **elena*, **margetica*, **magdalenka*, **petronila* и др.)⁵. Все эти лексемы распространены в основном в западно-славянских диалектах, преимущественно в чешских, из южно-славянских – в словенских, из восточно-славянских – в отдельных украинских диалектах⁶.

Мотив мифического жениха передается номинациями с корнем *ivan-* (**ivanъčikъ*, **vanъčikъ*, **vanja* и др.)⁷. Ср. *ванечка* ‘жук из сем. *Coccinella*’ Терск. [СРНГ, 4, 38], *иванчик* ‘божья коровка’ Курск. [Там же, 12, 57]. Эти

⁴ См.: Топоров В. Н. Еще раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) в перспективе основного мифа // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981. С. 181–182.

⁵ Подробнее об этом см.: Терновская О. А. Еще раз о божьей коровке (К проблеме форм взаимосвязи микро- и макроструктур) // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. М., 1988. Ч. 2. С. 70–71.

⁶ См.: Вендина Т. И. Общеславянский лингвистический атлас как источник реконструкции языка культуры. // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1997–2000. М., 2003. С. 14.

⁷ См.: Там же.

лексемы, как отмечает С. Утешены, «можно, по-видимому, связывать с обрядами на Ивана-Купалу и с функцией гаданий о женихе»⁸. Христианизированная перекодировка этого мифического персонажа отразилась в белорусских названиях, связанных с мужскими именами, восходящими к именам канонических святых (**andrejko*, **isidor'ko*, **petrik*, **nikolajčik* и др.)⁹.

В своей значительной части имена, встречающиеся в названиях насекомых, суть «антропонимы *par excellence*, типичные, и даже “прототипические”, т. е. служащие образцом антропонима вообще»¹⁰. Ср. частотное использование имен *Петр* (*пётрушка* ‘божья коровка’ [НОС, 7, 134]) и *Павел* (*павел* ‘паук’ Арх. [СРНГ, 25, 108]). Ср. также *иванчики в глазах* ‘мушки в глазах, малокровие’ Курск. [Там же, 12, 57], *катеринка* ‘майский жук’ Калуж. [Там же, 13, 127].

Причину появления отантропонимических названий насекомых можно увидеть в реализации бытового табу. В особенности это касается домашних насекомых (тараканов) и насекомых, паразитирующих на человеке (блох, вшей, клопов). Некоторые такие наименования можно считать контекстными заменами, появляющимися в речи и используемыми в целях маскировки подлинной сущности обозначаемого. Например, *гаврики* мн. ‘вши’ Новг. [СРНГ, 6, 85] можно считать реализацией этической интенции говорящего не называть реалию напрямую, особенно при ее непосредственном обнаружении, например, у ребенка. Сам выбор лексемы можно рассматривать как результат семантического сдвига *гаврик* неуважительно ‘о ребенке’ [Там же] → *гаврики* мн. ‘вши’. В данном случае срабатывает семантика множественности и «мелкокалиберности», характерная для восприятия как детей, так и насекомых. Само слово *гаврик* активно используется при назывании мелких предметов: экспр. ‘маленький стог’ Арх. [СРГК, 1, 321], ‘червонец’ Перм. [СРНГ, 6, 85], ‘оставшаяся на поле, не убранная вовремя картошка’ [ПССГ, 1, 121]. Ср. также *марфушка* ‘вошь’ Костр. [СРНГ, 17, 378].

Предпосылкой появления отантропонимических наименований может служить чисто фонетическое притяжение. Так, северно-русские названия паука *павел*, *павка*, *павко*, *павлушко* и под. [СРНГ, 25, 108; СРГК, 4, 364] возникли из *па(в)ук* по созвучию с антропонимом *Павел* [Фасмер, 3, 181, 218]. Ср. также

⁸ Утешены С. Названия божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) в Общеславянском лингвистическом атласе // Общественный лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1975. М., 1977. С. 26.

⁹ См.: Вендина Т. И. Общеславянский лингвистический атлас как источник реконструкции языка культуры. С. 11.

¹⁰ Юдин А. В. Ономастикон восточнославянских загадок. Рукопись.

макар, мн. *макары* шутол. ‘комар’ [Пск. – СРНГ, 17, 308; Костр. – ЛК ТЭ], созвучные видовому наименованию насекомого *комар*; *митя* ‘бабочка’ Свердлов. [СРГСУ-Д, 300; СРНГ, 18, 178], фонетически близкое *метелек* Волог., Новг., Ярослав., *метелок* Влад. ‘бабочка’ [СРНГ, 18, 137], *метелек* ‘мошка, мотылек, любое летающее насекомое’, *метляк* ‘мотылек’ [СПГ, 1, 515] и др.

К этой же группе с некоторой долей сомнения можно отнести названия майского жука *алёна* ‘насекомое жук-рогач’ Орл. [СРНГ, 1, 234]; *алёнка* ‘насекомое *Melolontha melolontha*, майский хрущ; желтовато-бурового цвета, головка более темная; летает по вечерам, обедает листву’ [Калуж., Смол. – СРНГ, 1, 234; СБГ, 1, 16–17]; ‘маленький (июньский) жук’ Калуж., Смол. [СРНГ, 1, 234]; *алёночка* ‘насекомое *Melolontha melolontha*, майский хрущ’ [СБГ, 1, 16–17]; *олёнка* ‘майский жук’ Южн. [СРНГ, 23, 184], созвучное *жук-олень* (‘рогач, жук-олень *Lacanus*’ [Даль, 4, 99]). Необходимо отметить, что майский жук наряду с божьей коровкой наиболее часто подвергается индивидуализации и антропоморфизации, очевидно, также в связи с ярким внешним видом и активным вредоносным действием (взрослые жуки обгрызают листья деревьев, личинки едят корни культурных растений¹¹), ср.: *антипка* ‘майский жук’ Тул. [СРНГ, 1, 261]; *катеринка* ‘жук сем. пластинчатоусых; майский жук, хрущ; является вредителем леса’ Калуж. [Там же, 13, 127].

Некоторые имена можно считать культурно мотивированными: например, объяснение названия овода *Паут Прокопьевич* Иркут. находят в поверье о том, что оводы могут пропадать с Прокопьева дня (21 июля) [Там же, 25, 283].

В заключение отметим, что выделенная в процессе анализа совокупность номинативных черт, присущих конкретной лексической группе, позволяет увидеть особенности восприятия человеком насекомых и уже на когнитивном уровне обобщить выделенные представления в виде первичных прагматико-смысловых импульсов, таких как: 1) общая резко негативная оценка человеком насекомых; 2) стремление избежать контакта с насекомым – стремление избежать его прямого именования; 3) представление о насекомых как о совокупном множестве однотипных объектов; 4) квазииндивидуализация насекомых человеком.

¹¹ См.: Лесная энциклопедия. М., 1965. С. 115.